

Глава 3

Старший брат Чэнь Шэ

У Линчань не помнил, что с ним случилось в детстве, но его кровь, память и печать «У» были запечатаны.

Теперь стрела из Лука Тайпин пробила эту печать. За короткое время его янтарные глаза стали ало-красными, и детские воспоминания начали смутно проступать.

Но прошло слишком много времени, и У Линчань не мог вспомнить, как выглядел его «старший брат». В памяти остался лишь смутный силуэт и странная мысль.

— Беги.

У Линчань не понимал, что это значит.

В этот момент большой коршун издал крик. Цзян Чжэнлю достал откуда-то белоснежную меховую накидку и набросил её на плечи У Линчаня.

— Юный господин, мы прибыли на Террасу Бихань.

У Линчань посмотрел вниз.

Терраса Бихань была круглый год покрыта снегом. С высоты она походила на огромное изваяние из ледяного нефрита. Дворец окружала бескрайняя бамбуковая роща, которая даже на ледяном ветру оставалась ярко-зелёной.

Коршун с чёрными крыльями и тёмно-красным клювом, казалось, чего-то боялся. Он не хотел приближаться к Террасе Бихань и с жалобным криком кружил в воздухе.

— Спускайся, — нетерпеливо приказал Сюнь Е.

Коршун, словно всхлипнув, задрожал всем телом — У Линчаня едва не сбросило — и, наконец, нехотя приземлился на Террасе Бихань.

Коршун был размером с небольшую гору, и У Линчань не мог просто так спрыгнуть. Он протянул руку к Сюнь Е, как бы говоря: «Помоги мне спуститься».

Сюнь Е промолчал.

Впервые в жизни он испытал, что значит смеяться от злости.

С яростной усмешкой он подлетел и схватил У Линчаня за шиворот.

Одежда У Линчаня была расшита золотом и украшена множеством подвесок. Когда его подняли, всё это зазвенело, словно мешок с монетами.

Сюнь Е опустил «мешок с монетами» на землю и с фальшивой улыбкой произнёс:

— Юный господин, прошу.

У Линчань бросил на него сердитый взгляд, но, поскольку тот всё же послушался, великодушно простил ему эту дерзость.

На Террасе Бихань уже собралось немало народу.

У Линчань поднялся по нефритовым ступеням и, войдя во дворец, почувствовал на себе несколько пронзительных взглядов.

Не успел он опомниться, как несколько белых теней, словно стрелы, сорвавшиеся с тетивы, метнулись к нему. Их взгляды, острые, как ножи, принялись изучать его лицо.

Когда их глаза остановились на золотой печати «У» на шее У Линчаня, они, наконец, разрыдались и, схватив его, принялись со слезами на глазах рассматривать, наперебой восклицая:

— Юный господин! Небеса сжалились, юный господин наконец-то вернулся! Мы выполнили долг перед государем, теперь можно и умереть со спокойной душой!

— Это лицо! Вылитая Владычица У!

— Милость демонических богов, это и вправду юный господин!

У Линчаня от их криков зазвенело в голове. Он с недоумением смотрел на этих странных людей.

«О чём они щебечут, ничего не понимаю».

Сюнь Е, на плече которого сидел коршун размером с ладонь, небрежно вошёл во дворец и с усмешкой произнёс:

— Какая трогательная сцена воссоединения. Юный господин одиннадцать лет провёл среди людей, и никто из вас не удосужился его поискать?

Все замолчали.

— Юный господин вырос на Террасе Бихань. Когда он пропал, Владыка Чэнь разве не остался безучастным, восседая на своём высоком троне? — холодно заметил Цзян Чжэнлю.

— Звериный прилив из Ванлэин был беспощаден. Если бы не Владыка Чэнь, который все эти годы сдерживал его, вы бы давно стали кормом для демонических зверей. Как у вас ещё язык поворачивается его упрекать? — ледяным тоном ответил Сюнь Е.

Один из старейшин, поглаживая бороду, сказал:

— Ха! Сдерживал? С тех пор как государь Цзюйфу уединился, и Владыка Чэнь взял власть в свои руки, в Ванлэин не прекращаются беспорядки. Недавно демонические звери утащили несколько десятков человек, даже сын Владыки Иханя, правителя пограничных земель, пропал без вести.

Сюнь Е дёрнул бровью и, щёлкнув большим пальцем, на цунь выдвинул меч из ножен.

— Это гнев демонических богов, они ниспослали нам дурное предзнаменование, — продолжал старейшина. — Все эти годы в Пустоши Куньфу царил страх, пока позавчера не свершилось небесное знамение, и звериный прилив в Ванлэин мгновенно не утих!

При этих словах все взгляды устремились на У Линчаня.

У Линчань замер.

Пока все ругались, юный господин У, чей словарный запас был на уровне пятилетнего ребёнка, совершенно не понимал их птичьего языка. У него разболелась голова, и он тихонько сел в сторонке, чтобы перекусить.

Только он засунул пирожное в рот, как все уставились на него.

У Линчань с трудом проглотил кусок, которым чуть не подавился.

— А?

Что случилось?

Старейшина долго смотрел на лицо У Линчаня, перепачканное крошками, и на его растерянное выражение, а затем громко провозгласил:

— Юный господин чистой крови, благороден и великолепен, несравненен и изящен! Он — избраннык демонических богов, и только он достоин править Пустошью Куньфу!

Сюнь Е промолчал.

Цзян Чжэнлю промолчал.

Кроме «чистой крови», какие из этих слов хоть как-то относились к У Линчаню?

Даже Цзян Чжэнлю, который готов был его защищать до последнего, замолчал.

— Второй старейшина, видимо, совсем состарился и ослеп, — наконец протянул Сюнь Е.

Второй старейшина в гневе — или от стыда — ударил по столу:

— Как только юный господин вернулся, звериный прилив в Ванлэин утих, и сейчас на границе тысячи демонических зверей стоят на коленях, подавленные его мощью. Разве это не воля демонических богов?!

У Линчань, наблюдая за перепалкой, продолжал уплетать пирожные. Довольно вкусно.

Когда спорщики уже готовы были перевернуть столы, на Террасе Бихань внезапно раздался звук цитры.

Дзэнн!

У Линчань уронил пирожное и испуганно поднял голову.

«Кто это так воет?»

При звуке цитры все спорщики мгновенно замолчали, словно им перехватило горло, и почтительно склонились в поклоне. Даже Цзян Чжэнлю, который за спиной называл его «собачьим отродьем», опустил голову.

У Линчань с недоумением посмотрел в ту сторону, откуда доносился звук.

За ширмой на Террасе Бихань кто-то играл на цитре.

Но играл какой-то виртуоз. Демоническая мелодия была настолько ужасна, что казалась предсмертным воплем.

У Линчаня от этой какофонии зазвенело в голове. Он подумал, что даже самый благочестивый и сдержанный буддийский монах, услышав такое, немедленно бы обратился в демона.

«Кто это играет?»

Из-за ширмы донёлся тихий голос:

— Возвращение юного господина — великая радость. К чему эти ссоры и драки?

Сюнь Е с мрачным лицом убрал меч в ножны и, подойдя к ширме, склонил голову.

— Владыка Чэнь.

У Линчаня удивлённо поднял брови.

Так это демоническое... то есть, эта мелодия была исполнена Чэнь Шэ?

Звук цитры обладал умиряющей силой. Во всяком случае, от одного его звука все споры в зале прекратились. Даже заносчивый Второй старейшина замолчал, словно гусь, которому пережали шею.

— Звериный прилив в Ванлэин был запечатан тысячи лет, — произнёс Чэнь Шэ. — Ещё во времена правления моего отца великие демоны пытались сломать печать. Теперь, когда в Пустоши Куньфу царит хаос, Второй старейшина считает, что это я навлёк беду?

В Пустоши Куньфу было семнадцать старейшин, но Чэнь Шэ, словно забивая свиней, каждый год убивал по несколько человек, и теперь их осталось всего семеро.

Из этих семерых одни были трусливы, как перепела, и при виде Владыки Чэня падали ниц и бились головой о пол; другие уединялись и не интересовались мирскими делами, не представляя никакой угрозы; третьи, обладая большим влиянием, упрямо сопротивлялись Чэнь Шэ.

Второй старейшина, очевидно, принадлежал к последним.

Он с трудом опёрся на посох и встал, готовый скорее умереть, чем отступить:

— Я лишь констатирую факты. Что касается родословной...

— Дерзость! — не выдержал Сюнь Е. — Какая к чёрту родословная?! Государь Цзюйфу тоже в своё время пробился к трону силой. Почему же, когда дело доходит до Владыки Чэня, вы начинаете говорить о чистоте крови? Если хотите умереть, так и скажите, не устраивайте этот цирк. Вы что, думаете, наш Владыка Чэнь — добряк?

Чэнь Шэ промолчал.

Второй старейшина, не обращая внимания на гнев Сюнь Е, повернулся и втянул в спор У Линчаня:

— Юный господин, а вы что скажете?

У Линчань промолчал.

«Что сказать? А что случилось?»

За ширмой Чэнь Шэ снова заиграл свою демоническую мелодию.

У Линчаня от неё разболелась голова. Встретившись с выжидающими и гневными взглядами, он вспомнил слова Цзян Чжэнлю.

«Сильный... самое время его использовать».

Судя по всему, эти старейшины не хотели, чтобы Чэнь Шэ взошёл на трон, и потому устроили весь этот сыр-бор.

Цзян Чжэнлю незаметно подал У Линчаню знак.

У Линчань торжественно кивнул.

«Понял».

— Трон нового владыки... — прерывисто начал У Линчань, — сильный — хорошо, старший брат — лучший.

Звук цитры резко оборвался.

Все в зале замерли, ожидая, что У Линчань скажет «но».

Но У Линчань не сказал «но».

...И даже удивился, почему никто не подхватывает.

На Террасе Бихань воцарилась мёртвая тишина. Поняв, что У Линчань закончил, все присутствующие скривились. Даже всегда расчётливый Цзян Чжэнлю выглядел ошеломлённым.

Сюнь Е удивлённо поднял бровь. Он почувствовал, как смертельная формация, уже активированная на Террасе Бихань, медленно рассеивается, и усмехнулся.

«Этот юный господин — непроходимый идиот. Цзян Чжэнлю и остальные использовали его как пешку. Я думал, он и пары слов не успеет сказать, как эта формация над головой сотрёт его в порошок. Неожиданно, в последний момент у него прорезался мозг».

Из-за ширмы донёсся тихий смех.

Мужчина, сидевший за столом, наконец, встал. Его высокая фигура отразилась на ширме с изображением бамбука и клёнов, и он вышел из-за неё.

У Линчань, услышав его шаги, посмотрел в ту сторону и замер.

Небо было тёмно-синим, словно отражение туманных гор. Чэнь Шэ был облачён в тёмно-синий халат, по которому ползли неведомые У Линчаню узоры, казавшиеся живыми.

Самым поразительным было его лицо.

Глаза Чэнь Шэ были закрыты, а от век до самых щёк тянулись сложные багряные руны, похожие на печать, что сковывала его взор, придавая облику зловещую и таинственную красоту.

У Линчань на мгновение опешил и уставился на эти руны.

Внезапно.

Руны, словно живые, шевельнулись. Ярко-красная точка сдвинулась вниз.

...Словно он «посмотрел» на него.

У Линчань вздрогнул.

«Почему Чэнь Шэ слепой? Он и в детстве был таким?»

Он не помнил.

Чэнь Шэ совсем не походил на трёхголового шестирукого демона из легенд. Напротив, он был донельзя элегантен и грациозен, словно благородный муж, воспитанный по древним книгам в какой-нибудь праведной школе.

У Линчань моргнул.

Чэнь Шэ, хоть и был слеп, каким-то образом безошибочно протянул руку в сторону У Линчаня. Его жест был полон благородства и достоинства.

— ..., иди сюда.

У Линчань растерялся.

Чэнь Шэ, кажется, произнёс какое-то ласковое прозвище, которого он не понял, но, должно быть, это было «братишка».

В памяти смутно всплыло, что кто-то уже звал его так, с той же интонацией и тем же жестом.

У Линчань не боялся его. Не обращая внимания на испуганные взгляды старейшин, он, взмахнув полами своего алого халата, как в детстве, подбежал к Чэнь Шэ.

Только приблизившись, У Линчань понял, что Чэнь Шэ был невероятно высоким.

Ему уже исполнилось шестнадцать, и он считался высоким для своего возраста, но рядом с Чэнь Шэ он доставал ему лишь до плеча и вынужден был задирать голову.

Чэнь Шэ опустил голову. Его глаза под закрытыми веками шевельнулись, словно он «смотрел» на него чем-то невидимым. Его голос был полон смеха, как будто он разговаривал с ребёнком.

— Ты меня помнишь?

У Линчань покачал головой, потом неуверенно кивнул и, показав два пальца, сказал:

— Только чуть-чуть.

— А как меня звать, помнишь?

— Помню. А-сюн.

Услышав это детское прозвище, ресницы Чэнь Шэ дрогнули. Он долго молчал, а потом улыбнулся и нежно погладил У Линчаня по мягким тёмным волосам.

— Да, хороший мальчик.

<http://bllate.org/book/16997/1580834>